

MEMORIA

ВЕЛИКИЙ СЫН ПЕТЕРБУРГА

К 85-летию Моисея Самойловича Кагана

Передо мной книга в черно-белой обложке. Внушительное философское название: «Метаморфозы бытия и небытия». На последней странице обложки фото автора: большой, в глубоких морщинах лоб, крупно вылепленный нос с едва заметной горбинкой, щетка щегольских усов. Голова уперлась подбородком в сжатую в кулак руку, и острый, волевой и пронизательный взгляд будто пронзает насквозь, острием своим, кажется, легко проходя через оболочку любых видимостей — к потаенной сути мира. А может, мне это только кажется. А на самом деле исполненный силы взгляд человека на фото обращен внутрь самого себя — к загадке собственной сути.

Листаю книгу и вдруг осознаю, что впервые за почти тридцать лет нашего общения и дружбы автор не оставил мне автографа. И уже не оставит никогда. Вышедшая в самом конце февраля книга чуть-чуть опоздала: ее автор, Моисей Самойлович Каган, умер 10 февраля 2006 г.

Умирал он мучительно: к жестоким, денно и ночью терзавшим его тело и душу болям добавлялось беспощадное, не оставлявшее надежды знание. Возможно, то была безум-

ная ирония Судьбы — дать напоследок пережить всю страшную силу и горечь знания человеку, долгие годы и весь свой удивительный, выдающийся талант отдавшему труду познания — «добычи» Знания?

Каган — настоящий титан познания, великий ученый. Слово «был» здесь неуместно: подаренные им миру знания, идеи, теории, я уверен, бессмертны. Масштаб его научного творчества уникален. Начав в послевоенные годы — после фронта, где он был ранен, и Ленинградского университета — как искусствовед (его статьи и книги о реалистической живописи, декоративно-прикладном искусстве и художественной фотографии цитируются до сих пор), Моисей Самойлович в середине 1960-х гг. «перерос» рамки конкретного искусствознания и стал крупнейшим эстетиком страны. Его знаменитые «Лекции» («Лекции Кагана» — так их все называли) совершили настоящий переворот в этой влачившей анабиотическое существование на обочине советской идеологии сфере философского знания. В истории отечественной культуры XX в. они должны быть поставлены в один ряд с поэзией и прозой шестидесятников, «Новым миром» Твардовского, театрами Товстоногова, Любимова и Ефремова, кинематографом позднего М. Ромма, Хуциева и Тарковского.

Незадолго до смерти Каган признался, что главным двигателем его творчества долгие годы оставался вопрос, что такое искусство и почему оно занимает столь фундаментальное место в жизни общества и человека.

Философская, как оказалось, глобальность этого вопроса определила масштабы и глубину всех последующих исследований Кагана. «Мелочами», деталями и частными аспектами искусства он никогда более уже не занимался (хотя его всеохватные концепции удивительным образом объясняли или помогали объяснить все эти особенности и аспекты). В рамках эстетики Каган решил еще одну ее глобальную и вековую проблему, объяснив логику возникновения, своеобразие и системного сосуществования конкретных видов искусства («Морфология искусства», 1972). Теоретики и практики, раздумывающие о специфике театра, его морфологическом разнообразии и взаимодействии с другими искусствами, не могут обойтись без этой книги. Между прочим, в момент своего появления «Морфология искусства» вызвала негодующую, озлобленно-бешеную реакцию догматиков от эстетики. Они устроили «обсуждение» книги в Институте истории и теории искусства Академии художеств СССР, вокруг которой тогда группировались. Ставлю слово «обсуждение» в кавычки, ибо на деле оно превратилось в идеологическое избиение автора, что в тогдашних условиях должно было привести (и отчасти привело) к табу на его педагогическую деятельность и публикации. Каган тогда (как и во многих других случаях) не «сдал» ни единой пяди своей позиции. В ходе дискуссии он спокойно, убедительно и, как всегда, блистательно по форме доказал свою правоту и предубежденную неадекватность своих критиков, о чем много лет спустя расскажет в книге воспоминаний «О времени, о людях, о себе» (2-е изд. М., 2005). Мне же легко представить интеллектуальную мощь и яркость Моисея Самойловича в том давнем обсуждении, поскольку незадолго до выхода «Морфологии искусства» он прочел цикл лекций по данной теме нам, студентам и аспирантам философского факультета Уральского университета (фактически же на его лекциях присутствовала вся гуманитарная интеллигенция Свердловска). Впечатление было без преувеличения ошеломляющим и определялось сочетанием энциклопедических знаний лектора, неслыханной для философии (советской — тем более) логической точности аргументации, красотой возникшей на наших глазах «системы видов искусства» и поразительно величественной и в то же время изящной свободой, с какой лектор все это преподносил. Как правило, в конце очередной лекции он победно, но не заносчиво, наоборот — очень дружески, окидывая своим «орлиным» взглядом аудиторию, как бы ставя символическую точку сказанному — и тут же, сливаясь с восхищен-

ным выдохом «публики», раздавался звонок. Блеск! Мне повезло: впоследствии еще много раз я буду переживать духоподъемный эффект и душевно-телесный кайф от кагановских лекций, докладов, спичей и (особое счастье!) тостов.

Ну а для Моисея Самойловича эстетика уже была тесна. Вопрос о сущности искусства, соединенный с современной научной методологией (прежде всего, системным подходом) и интуитивным (поначалу) убеждением в глубокой связи сущности искусства и сущности человека вели (и привели) его ко все более масштабным философским обобщениям — в области философской антропологии и философии культуры. Гениальный и всегда системно мыслящий, верящий в возможность человеческого *ratio* и убежденный в своей правоте ум Кагана планомерно захватывал и осваивал один стратегический (мировоззренческий) «плацдарм» за другим, предлагая, как правило, всеохватные и далеко идущие, стимулирующие новое творчество решения наиболее фундаментальных и трудных философских проблем. Названия его монографических книг, выходивших в 1970—1990-е и уже в 2000-е гг., говорят сами за себя: «Человеческая деятельность» (1974), «Мир общения» (1988), «Системный подход и гуманитарное знание» (1991), «Философия культуры» (1996), «Философская теория ценностей» (1997), «Эстетика как философская наука» (1997), «Введение в историю мировой культуры» в 2 томах (2000—2001), «Се человек» (2003). И, наконец, как итог и объективный предел беспрестанно расширяющегося, космического мышления — «Метаморфозы бытия и небытия» (2006). Невероятный, фантастический как по количеству, так и по качеству и значительности сделанного список! Хотя и он не дает исчерпывающего представления обо всем творчестве М. С. Кагана: скоро выйдут в свет первые тома семитомного собрания его сочинений, свидетельствующих об интеллектуальном подвиге ученого. Его творчество не имеет аналогий в советской и постсоветской философии, и фактически еще при жизни Каган признан классиком. Правда, Россия, как и СССР, по-прежнему страна с хроническим несовпадением неформального и официального признания: не было серьезного научного симпозиума, куда бы ни был зван

со своими идеями Моисей Самойлович, но в Российской академии наук места для него не нашлось. На высочайшем научном и человеческом авторитете ученого, впрочем, это никак не сказалось.

Особое место среди книг Кагана занимает «Град Петров в истории русской культуры» (1996, 2006). Он не мог не написать ее, ибо был «всем телом, всем сердцем, всем сознанием» (А. Блок) настоящим петербуржцем — осозанным, идейным, убежденным, влюбленным в родной город, его историю, географию, материальную и духовную культуру, в его особого чекана жителей. Вместе с ними, подлинными петербуржцами, он был уверен, что град Петров — лучший, прекраснейший город на Земле. Что бы ни случилось, уехать из него навсегда было для Моисея Самойловича невозможно не только нравственно-психологически, но даже и физически. Любовь к родному городу была одной из главных составляющих его удивительной, упоительной, по-рыцарски благородной и преданной любви к Жизни вообще. И эту любовь всегда объективный, сдержанный и строгий в своих трудах Каган сумел без ущерба для науки воплотить в книге о Петербурге, дав его системно-культурологический, историко-теоретический образ-портрет, не умолчав о трагических сторонах петербургского прошлого, трудностях и слабостях его настоящего. Но с восхищением и верой в его будущее, где суждено жить его любимым внукам и правнукам.

О них он думал, прощаясь с жизнью и миром. Им был адресован его последний, незавершенный текст — нечто вроде учебника по философии для малышей. Когда-нибудь его прочтет и родившийся после смерти Моисея Самойловича внук, названный в честь деда Микой. Микой Каган был для родных и близких друзей, и когда кто-то устаивался чести посвящения в близкие друзья, ему разрешалось и даже предписывалось называть Моисея Самойловича именно так. Я горжусь тем, что получил от него это право, которым, однако, никогда, даже после неоднократных брудершафтов, не смог и не захотел воспользоваться. И разница в возрасте не была главной причиной. Разница (и я слишком хорошо это понимал) была в сути, масштабе, ценности.

Маленькому Мике скоро расскажут о его великом деде, расскажут подробно и правдиво, любовно и трепетно. Расскажут о его жизни, труде, творчестве. О его редкостных нравственных качествах: о неправдоподобной порядочности; о доходящей порой до смешного по-детски наивной доверчивости к любому, наперед полагаемому хорошим человеку (сколько раз по собственному признанию Моисея Самойловича его обманывали!); о верности данному слову и чувству долга; об органическом, естественном, как дыхание, благородстве; о всегдашнем желании и умении помочь сострадательным словом и делом нуждающемуся. О его мужестве и бесстрашии, честности и верности своим убеждениям, истине, добру в те далекие годы, которые, я надеюсь, маленькому Мике понять будет уже очень трудно. И, конечно, о многом, многом другом, чем был славен его дед.

Но, к несчастью, никому из нас — родным, друзьям, коллегам и ученикам Моисея Самойловича Кагана, каждому по отдельности и даже всем вместе, не рассказать, не объяснить маленькому Мике, каким удивительным феноменом природы и культуры, каким редкостным и непередаваемым Чудом жизни и человечности был его дед. Не оживить словом бесценного богатства и красоты этой уникальнейшей светоносной личности. Только в нашей любящей памяти будет жить сладостный и горчащий вкус пережитого нами счастья быть причастными к любым проявлениям этого Чуда: к его внешнему облику, мужественному и элегантному, величественному и теплomu, к его неподражаемой чеканной речи и весомым выразительным жестам, излучавшим одухотворенную гениальность и творческую волю. К его не омраченным даже толикой пошлости мыслям, разговорам и поступкам. К его играющему с жизнью и понимающему жизнь смеху (анекдоты Кагана — театр изящного и мудрого комизма, очень земного, демократичного!). К его воспо-

минаниям и прогулкам, аппетитным – телесно и духовно — застольям и тостам. К его рыцарским ухаживаниям и мужскому товариществу. К его непонятно каким образом сохранившейся душевной чистоте, сердечной щедрости и, еще раз скажу, мудрому приятию жизни. Словом, ко всему тому, что неотвратимо влюбляло в Кагана женщин и мужчин, молодых и старых, ближних и дальних.

18 мая 2006 г. Моисею Самойловичу Кагану исполнилось 85 лет. Я не смирился с утратой, не научился думать и говорить о нем в прошедшем времени. Для меня он — живой, и каждый день я мысленно общаюсь с ним. А на моем столе – его «Метаморфозы бытия и небытия».

С днем рождения, Моисей Самойлович, дорогой мой Человек!

Л. А. Закс

ПАМЯТИ ХУДОЖНИКА ГЕРМАНА МЕТЕЛЕВА

Весной 2006 г. ушел из жизни один из самых значительных и глубоких художников Екатеринбурга Герман Селиверстович Метелев (1938—2006).

Г. С. Метелев родился в Свердловске в семье служащих. Отец сгинул в роковые 30-е. Однако клеймо сына врага народа не отпечаталось на мальчике. Быть может, потому, что мать довольно быстро вышла замуж. Детство Германа Селиверстовича пришлось на тяжелые военные и поствоенные годы. В нем рано пробудилась тяга к искусству — музыке и рисованию. Он увлеченно играл на домре и балалайке во Дворце пионеров. Но интерес к изобразительному искусству оказался сильнее, и в 1952 г. Герман Метелев начал постигать азы профессионального мастерства в Свердловском художественном училище, по окончании которого в 1957 г. он отправился в Ленинград, чтобы поступить на живопис-